

***Толерантность как нравственный императив
культуры современного общества***

Тема толерантности, столь актуальная сегодня в условиях нарастания насилия, межгрупповой и межличностной конфликтности, становится все более популярной. Именно поэтому она нуждается в пристальном внимании.

Известно, что идея толерантности была провозглашена в рамках исторически конкретного событийного контекста, в связи с попытками преодоления церковно-политического противостояния в Западной Европе 16-17 вв., и в исторически конкретной форме как идея веротерпимости. Но следует подчеркнуть, что она по сути фундирована антропоцентрической системой ценностей Нового времени с известными доминантами гуманизма, индивидуализма, прав человека. Философская рефлексия понятия толерантности предполагает обращение к философско-антропологическому знанию, концепту сущности человека, кстати, интегральному для классической философии (например, вопрошание "Что такое человек?" в учении И. Канта).

Толерантность как предмет исследования может рассматриваться на различных уровнях ее реализации (от государственного до личного) и в различных формах: установок государственной идеологии и положений законодательства, ценности и сопряженной с ней нормативной программы, характеристик общественных и межличностных отношений, качеств самой личности. Современная дескрипция феномена толерантности фиксирует признание многообразия форм человеческой идентичности и утверждение единства человеческого мира, согласие со значимостью Другого в его уникальном существовании и утверждение межличностного общения, реализацию неотчужденного, потому ненасильственного взаимодействия. Современные исследования фиксируют многоаспектность, содержательную неопределенность и абстрактность, возможность нравственной амбивалентности феномена толерантности, что определяет вариативность его трактовок в современной культуре. Основные философские и культурологические подходы к проблеме толерантности репрезентированы в работе В.А. Лекторского "О толерантности, плюрализме и критицизме". Автор анализирует четыре идеальные модели толерантности, имеющие теоретико-методологическое значение для исследования и практического разрешения этой проблемы. Можно отметить, что соответствующие варианты интерпретации толерантности очевидны в обыденно-практических отношениях.

"Классическая" модель толерантных отношений задается рационалистической парадигмой философии Нового времени, хотя остается ак-

туальной и сегодня. Критерием определения предмета толерантности является корреляция с рациональной обоснованной всеобщей сущностью человека, которая задает всеобщие, "основные ценности цивилизации" (общечеловеческие ценности) – мораль, право, науку с их законами, истинами. Сфера рациональных истин, истин Разума не может быть предметом толерантного или интолерантного отношения, это сфера объективно необходимого, всеобщего, должного, хотя и сфера свободы в то же время. "Терпимое" отношение возможно к иному, несущественному, нерациональному, частному в бытии человека (субъективным мнениям, религиозным воззрениям, особенностям национальных культур и т.п.) в том случае, если это иное не противоречит всеобщим истинам. Таким образом, содержанием феномена толерантности становится "индифферентность", "безразличие" (В.А. Лекторский) по отношению к столь "неважной", несущественной, внерациональной реальности. Представляется, что такое понимание толерантности действительно нравственно амбивалентно, т.к. изначально утверждает социокультурную иерархию, доминанта в которой (предполагаемая всеобщей) имеет вполне определенный социально-исторический смысл. Вторую и третью модели толерантности, которые автор обозначает как "непонимание" и "снисходительность", заданные эмпирическим материалом современных историко-культурных исследований и методологически фундированные субъективистскими философско-антропологическими концепциями, можно, тем не менее, рассматривать как реакцию на первую модель (толерантность как "безразличие") и развертывание ее определенных аспектов. Многообразие, нередуцируемость, субъективная незавершенность и замкнутость на себя культурного и личностного бытия детерминирует понимание толерантности как признания любого другого с одновременной отчужденностью от него: "не могу понять и... не могу взаимодействовать" [1, с. 50]. "Безразличие" к другому с необходимостью преобразуется в "непонимание", отчужденность. Но можно ли действительно признавать, тем более "уважать" то, что чуждо? Непонимание скорее связано с взаимоотношением вплоть до распада отношений. С другой стороны, общая принадлежность к человеческому роду, практика взаимодействия субъектов различных культур предполагает альтернативу соревнования, взаимовытеснения либо поиска иных (толерантных?) отношений. Логическим и практическим результатом "непонимания" является "снисхождение к слабости других, сочетающееся с некоторой долей презрения к ним" [1, с. 51] – 3-я модель. Здесь терпение означает презрение. Действительно, человек, не выходящий "за пределы человеческой субъективности" (Ж.-П. Сартр), произвольно определяет критерии ценности и тем самым делает свою систему ценностей предпочтительной, хотя и признает другие ценностные системы. В итоге отношения толерантности как

"вынужденного терпения", очевидно весьма неустойчивые, заключают в себе возможность навязывания собственной позиции.

Анализируя модели толерантности, В.А. Лекторский связывает их с определенными социокультурными основаниями общества Нового и Новейшего времени. Эволюция общества последней трети 20 – начала 21 вв. осмысливается в современном социально-гуманитарном знании с помощью концептов постиндустриальной, информационной ступеней развития. Сегодня в теоретико-методологическое основание социальных исследований вводится концепт сетевого общества (М. Кастельс). В контексте различных научных подходов предлагаются весьма отличающиеся дефиниции сетевого общества, в которых, однако, прослеживаются его наиболее общие характеристики. К ним можно отнести высокую степень сложности, многообразие, многовекторность и комплексность социальных сообществ; новый "сетевой индивидуализм" их участников, предполагающий своеобразие, даже альтернативность интересов, мировоззренческих ориентиров, социального функционирования, сохраняющиеся в процессе реализации возникшего общего интереса; децентрированность и высокую степень лабильности сетевого сообщества; технологичность и безличностный характер взаимодействия индивидов; "дезинтегрированность" глобализирующегося общества, др. Учитывая сложное, неоднозначное, многоуровневое и многоаспектное взаимодействие социума в целом и духовно-нравственной сферы, можно утверждать, что ментальности общества с подобными характеристиками наиболее адекватна установка толерантности, реализованная в трех репрезентированных моделях. Однако в статье Лекторского развит еще один вариант понимания толерантности, отличающийся своим смысловым вектором и обозначенный как "расширение собственного опыта и критический диалог" [1, с. 53]. Отношения толерантности в рамках этой модели включают признание и "глубинное" взаимодействие различных позиций, критичность по отношению к любой из них, включая собственную, понимание иной позиции и открытость своей с целью "плодотворного развития" собственного Я, культуры в целом, взаиморазвития. Эта модель теоретико-методологически обосновывается концепцией диалогичности бытия человека и культуры М. Бахтина. Такая интерпретация толерантности коррелирует с неотчужденностью личностного и социального бытия. Представляется, что диалогичная модель толерантности является наиболее перспективной в условиях современного глобализирующегося мира, интенсивного кросс-культурного взаимодействия, в условиях расширения и усложнения сферы межличностной коммуникации. Понимание толерантности в контексте диалогичности непосредственно коррелирует и со смыслом морали, толерантность как элемент культуры приобретает императивный характер и могла бы играть значительнейшую роль в формировании современных ценностных ориентиров.

1. Лекторский В.А. О толерантности, плюрализме и критицизме // Вопросы философии. – 1997. – № 11.